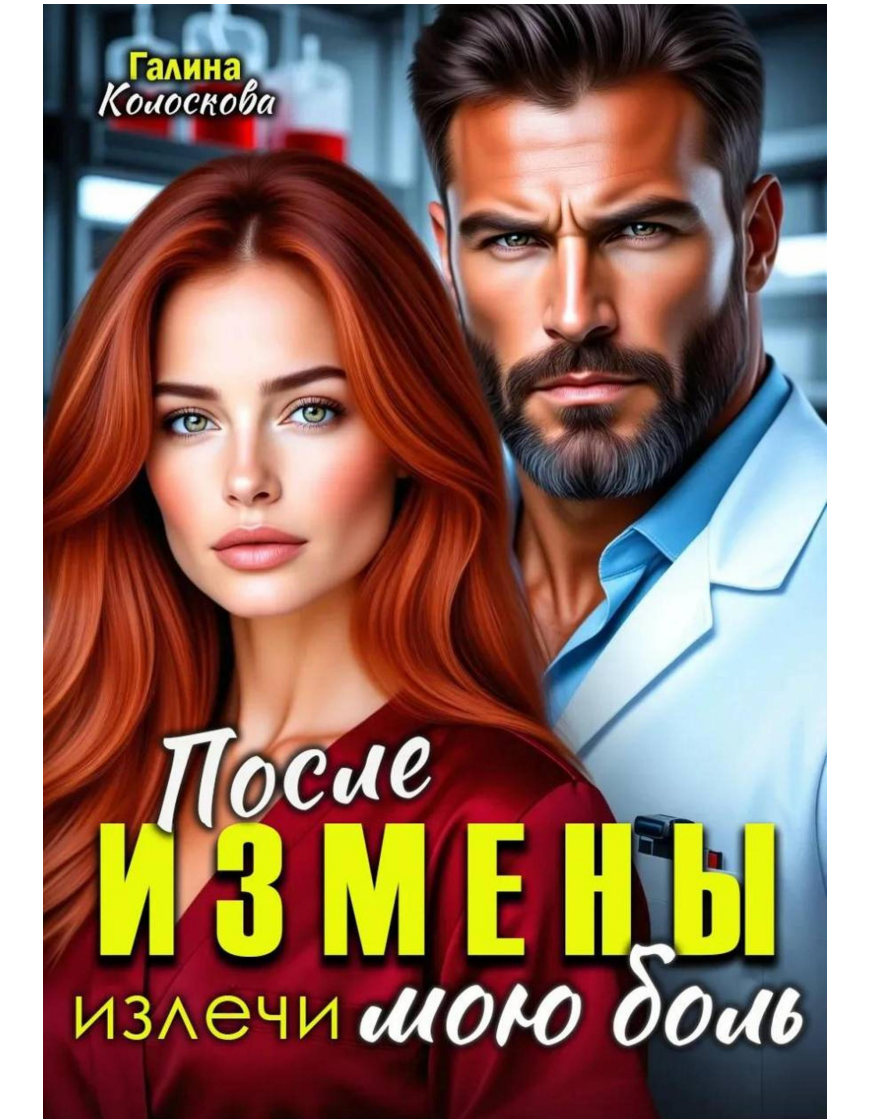

Галина
Колоскова

После
ИЗМЕНЫ
излечи мою боль

Галина Колоскова

После измены.

Излечи мою боль

<https://litres.ru/74193598>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Лена, не делай из мухи слона, — в голосе мужа появляются знакомые, снисходительные нотки, нотки человека, объясняющего очевидное глупому ребенку. — Шутка. Чтобы поднять настроение.

— Я же просто пациентка! — Виктория шипит с вызовом. Она нагло смотрит мне прямо в глаза. Ярко напыщенные губы растягиваются в едва уловимой усмешке.

Я молча протягиваю руку, беру маркер, которым он рисовал секунды назад.

— Лена, что ты — начинает предатель, но я его не слушаю.

Наклоняюсь над её ногой с нарисованным им сердечком. Запах подаренных нам обоим духов, нашего общего аромата бьёт в нос. Он становится топливом для моей ярости.

Подношу маркер к гипсу. И рядом с его аккуратным сердечком, крупными, размашистыми буквами вывожу:

ШЛЮХА.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	43
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Галина Колоскова

После измены.

Излечи мою боль

Глава 1

Я стою у края импровизированной танцплощадки в большом зале для пресс-конференций. Стараюсь изображать, что мне совершенно не скучно. Бокал с тёплым шампанским давно стал просто праздничным аксессуаром в руке. Сегодня я не пью. Мне нужно оставаться трезвой.

Зал преобразили до неузнаваемости: гирлянды, мишура, даже маленькая искрящаяся ёлка в углу. Смех, музыка, шуршание платьев. Наш, больничный, новогодний корпоратив.

Сергей где-то здесь, но уже минут десять я его не вижу. Он, как всегда, душа компании, окружённый медсёстрами из его отделения и ординаторами. Его хлопают по плечу, поднимают тосты «за лучшего травматолога», и он сияет, принимая похвалы как нечто само собой разумеющееся.

А я наблюдаю.

Как всегда, в стороне. Спокойная, надёжная Елена Кравченко. Ревматолог, у которой на всё хватает терпения. И на хронические болезни суставов, и на капризных пациентов, и

на звёздного мужа.

И вдруг он исчез. Шарю взглядом по залу. Сергея нигде нет.

На глаза попадается физиотерапевт Вика, пробирающаяся сквозь толпу, с двумя бокалами в руках. Яркая, как новогодняя гирлянда и такая же поблёскивающая пайетками. В настолько узком платье, с оголёнными плечами, что удивляюсь, как она умудряется в нём двигать ногами. Всем известно, каким местом она продвигается по карьерной лестнице. Видимо вышла на охоту. Резкий, нарочито громкий смех режет слух. Она дефилирует мимо меня совсем близко. Волна аромата её духов накрывает с головой.

У меня перехватывает дыхание. Это не просто похожие духи. Это они. Закрываю глаза, догадываясь, кто цель расставленной ею медовой ловушки. Купить в России эти духи невозможно. Эксклюзивная, сложная композиция с нотами горького апельсина, сандала и чего-то едва уловимого, холодного — как лёд на поверхности темной воды. Сергей заказывал их в Париже через знакомого парфюмера. Он подарил мне флакон на прошлую годовщину. «Как ты, — сказал он тогда. — Снаружи кажешься строгой, холодной, а внутри — бушует страсть».

Встряхиваю головой, отгоняя тревогу. Он мог поделиться контактами с главврачом, давним поклонником Вики. Я берегу их для особых случаев. А Виктория...

Она щедро полила себя ими. За выскочкой тянется не лёг-

кий шлейф, а концентрат аромата так, что першит в носу.

Сердце начинает стучать медленно и тяжело, словно набат. Провожая её взглядом. Она несёт бокалы не к столу, а идёт к выходу из зала, в сторону коридоров. И за ней следует взгляд моего мужа, только что вынырнувшего из темноты. Теперь он стоит, прислонившись плечом к косяку двери. Всегда идеально уложенные волосы чуть взлохмачены. Нервные пальцы поправляют ворот рубашки. В тёмных глазах — не просто интерес, там азарт. Улыбаюсь. Сердце распирает от счастья. Люблю его до сих пор так остро, будто не было долгих лет семейной жизни, а только впервые увидела. Мой добрый, ленивый Серёжка играет в несвойственную ему роль. Кролик, возомнивший себя хищником. Хочу спросить, куда уходил, но не успеваю.

— Елена Солнечная! Танцевать!

Оказываюсь в объятиях хирурга Павла. Добрый, сильный медведь, с такими же повадками. Он уже немного навеселе, глаза блестят, а значит, спорить бесполезно. Забирает мой бокал, ставит на подоконник и тянет за руку на площадку.

Пытаюсь остаться на месте.

— Павел, я не... — Всё, протесты не принимаются! Под бой курантов хорошие люди должны находиться в кругу друзей!

Вздыхаю, но позволяю увлечь за собой. Он прав. Не так уж много у меня в этом зале преданных людей. Павел пытается под громкую, ритмичную музыку выделять какие-то

па. Я на автомате следую за ним, улыбаюсь, хотя мысли не в этом месте, так же, как и взгляд, прилипший к двери. Сергей только что вышел. Вслед за Викторией? Или у него есть дело? В травмпункт могли вызвать... Но тогда бы он сказал. Или не сказал?

— Ты напряжена, как струна, — кричит в ухо Павел. — Ревматологов на праздниках отпускать нельзя, костенеете!

Я пытаюсь смеяться, но получается жалкая гримаса. Куда они ушли? В её кабинет физиотерапии? Он на первом этаже, в дальнем крыле. Там сейчас темно и тихо. Идеальное место, чтобы...

— Эй, да ты вообще не здесь! — Павел хлопает меня по плечу.

— Прости, — гримаса на лица срабатывает подтверждением слов: — Голова кружится.

На самом деле трещит разрываемая на части душа. Отгоняю ужасные мысли. Этого не может быть! Сергей однолюб, сам говорил. Мысленно усмехаюсь. Тогда почему в последнее время он при любой возможности бежит из дома.

Паша поворачивается в сторону дивана у стены.

— Пойдём, присядем.

Но мы не успеваем сделать и шага. Дверь в зал с треском распахивается. На пороге появляется запыхавшаяся медсестра из приёмного отделения. Она не обращает внимания на музыку и гирлянды, её лицо — маска тревоги.

— Доктора Кравченко! Ортопеда Кравченко! Срочно!

Музыка стихает. Все оборачиваются.

— В чем дело? — Павел отпускает мою руку.

— В кабинете физиотерапии... Доктор Федосова... Упала и, кажется, сломала ногу! Кричит на весь этаж!

Холод волной пробегает по коже. Сергей с ней? Не успеваю подумать. Ноги несут вперёд, обгоняя Павла. Бегу по знакомым, полутёмным коридорам, мимо кабинетов с закрытыми дверями. Гул шагов в ушах сливается с диким стуком сердца. Не он. Не там. Не с ней!

Но в душе я уже всё знаю.

Дверь в кабинет физиотерапии распахнута. Свет внутри горит ярко, слепит глаза с полутьмы. Открывшаяся картина, отпечатывается на сетчатке мгновенно и навсегда.

Глава 2

Виктория лежит на полу, возле рабочего стола. Лицо бледное, но не от шока — от злости. Её шикарное платье задралось, открывая бедро. Прохожу взглядом по голой белой коже. Что такого делала, что оголилась? Нога целая. На первый взгляд самое большое — растяжение связок. Но это не главное. Главное — размазанная по щекам помада. Длинные светлые волосы взъерошены. Причёска безнадёжно испорченна.

И рядом мой муж. Сидит на корточках, ощупывая сустав уверенными пальцами. Белая рубашка выбилась из брюк, на манжете — мазок той же помады. Нечаянно коснулся её лица рукой или? Тёмные волосы выглядят так, будто по ним провели десяток раз руками.

— Что случилось? — Павел врывается следом за мной, и замирает на пороге.

— Ничего страшного, — увидев нас, Сергей даже не вздрагивает. — Напрасная паника. Растяжение связок голеностопа. Вика поскользнулась на разлитом шампанском.

Закусываю губу, чтоб не сказать лишнего. Ищу признаки измены мужа и тут же сама выдумываю ему оправдания. Замечаю рядом со столом пустую бутылку и два фужера. Лучшее доказательство, что он не просто так оказался тут первым. И называет её не «доктор Федосова», а Вика. Шампан-

ское распивать с ней в кабинете мог кто угодно. А называть по имени, так они же коллеги.

— Я... я упала, — сипит она, но в злых глазах кроме боли — вызов. — Поскользнулась...

Сергей поднимает на меня чистый невинный взгляд.

— Что за паника? Зачем вы все здесь? — Невозмутимый голос доброго самаритянина. Ещё немного и назовёт нас виновными в произошедшем. — Я вовремя оказался рядом и сумею помочь. Наложу гипс, зафиксирую сустав, чтобы не было отёка, и обезболю. Всё по протоколу, коллеги, можете расходиться.

Он подчёркивает словами, что мы здесь в первую очередь, коллеги. А не муж и жена, заставшая его в полутёмном кабинете с женщиной, у которой помада размазана по лицу поцелуями.

Паша делает пару шагов вперёд, предлагая:

— Давайте я помогу, — добродушное лицо здоровяка становится серьёзным. — Я почти не пил, а ты Сергей, пьян.

— Нет! — Виктория вскрикивает так резко, что мы вздрагиваем. — Спасибо, Паша, но мне поможет Кравченко. Он первый пришёл на мой крик. И уже осмотрел ногу.

Она глядит на моего мужа, и в её взгляде проскальзывает что-то липкое, интимное. Сергей отвечает лёгкой, едва заметной улыбкой. Ощушаю себя лишней на чужом празднике жизни. Мне кажется, меня сейчас вырвет.

Я молча смотрю на мужа. На его растрёпанные волосы.

На помаду на манжете. На его спокойное лицо, за которым вдруг с ужасом вижу незнакомца. В животе скручивается холодный узел. Мне всё больше кажется, что он был здесь с самого начала. Не «оказался рядом», а пришёл сюда с ней. Это потом что-то пошло не так — она упала, закричала, и теперь ему приходится разыгрывать перед всеми комедию.

— Лена, не стоит тут всем толпиться. Проводи Вику до моей перевязочной, я принесу всё необходимое. Павел, можешь?

Он командует, как всегда, и все готовы ему подчиниться. В том числе я. Потому что он — звезда, а я — его тень. Спокойная, сдержанная тень, на которую всегда можно положиться.

Делаю шаг вперёд, к Виктории. Она впивается в меня полным ненависти и торжества взглядом. Наклоняюсь, чтобы помочь ей подняться. Она шипит так, что слышу только я:

— Не трогай меня. Замираю. Пальцы сжимаются в кулаки. Уговариваю себе не реагировать. Не стоит поддаваться эмоциям. Выставить себя неуравновешенной истеричкой? Именно этого мерзавка сейчас добивается. Мне нужно переварить и разобраться в том, что увидела. А если и вправду Сергей просто оказался рядом, а развлекалась она вовсе не с ним?

— Сама встанешь? — спрашиваю вслух с неприятием.

— Сергей мне поможет, — бросает она, протягивая руку моему мужу.

Он наклоняется, обнимает её за талию, поднимает. Она припадает к нему, мелко дрожа, шепчет:

— Спасибо!

Его пальцы впиваются в обнажённое плечо. Слишком нежно для врача, поддерживающего пациента.

Отказываюсь верить глазам. Не может быть. Не посмел бы он так открыто. А если посмел?

Я стою посреди ярко освещённого кабинета, не понимая, что делать. Павел что-то говорит мне, но я не слышу.

Смотрю на коврик перед столом, который стоит неровно, будто его отодвинули в спешке. На пустой бокал из-под шампанского, валяющийся под стулом. Понимаю, что меня выставили полной дурой. Посмешищем. Идиоткой, беспрекословно доверяющей изменнику мужу.

Завтра, нет, сегодня же, через час, об этом будет знать вся больница. И будут шептаться, смотреть на меня с жалостью или со злорадством. А я должна продолжать жить, работать, улыбаться. Как будто ничего не случилось.

Но дело в том, что случилось. Мой прочный, предсказуемый мир только что дал трещину. Я физически ощущаю, как эта трещина расходится, угрожая расколоть мою жизнь на мелкие части. В животе холод, а в душе пустота, с которой пока не знаю, что делать.

Слишком больно, чтобы оставаться в этом месте.

Без объяснений поворачиваюсь и выхожу из кабинета, оставляя за спиной их дуэт — врача и «пострадавшую» фи-

зиотерапевта. В ушах звенит тишина, а в голове уже выстраивается холодный, ясный план. Я не стану кричать. Не стану рыдать. Но, если они думают, что я смирюсь, то они жестоко ошибаются.

А пока... Пока мне нужно дышать и помнить запах своих духов на чужой коже.

Глава 3

Два дня живу у мамы, сказав мужу, что она заболела. Мне так проще. Могу рыдать по ночам в подушку, не объясняя причину. Сергея на выходных не видела. Он не пытается хоть чем-нибудь помочь заболевшей тёще. И уж тем более не горит желанием встретиться со мной.

Небеса не рухнули. Всемирного потопа не случилось. Мир спокойно живёт, игнорируя мою личную трагедию. В понедельник выхожу на работу. Больница стоит на том же месте. Все работают, снуют по делам из палаты в палату, из кабинета в кабинет. Больница гудит, как растревоженный улей. Но для меня этот гул кажется приглушенным. Я нахожусь под толстым слоем пепла сожжённой любви. В душе по-прежнему пустота.

Мне кажется, я стала всеобщим посмешищем. Каждое слово, каждый взгляд, брошенный в мою сторону, ловлю на лету и анализирую. Как симптомы коварной болезни.

Делаю обход. Изображаю, что погружена в историю болезни давнего пациента, Аркадия Петровича, с его изношенными суставами. Но сил притворяться, что готова работать, нет. Обещаю, что найду способ обуздать его боль и выхожу из палаты.

Я должна увидеть предателя и попробовать поговорить с ним на чистоту. Ноги сами несут в сторону ортопедического

отделения. Туда, где его территория. Я ищу подтверждения. Или опровержения. Хотя уже знаю, что найду.

Через приоткрытую дверь процедурной вижу двух медсестёр из его отделения, Катя и Оля моют инструменты. Приглушенные голоса доносятся в коридор. Я замираю у стенки, будто проверяю что-то в телефоне. Пытаюсь расслышать.

— ...а я тебе говорю, без всего! — шипит Катя, с нескрываемым восторгом от обладания страшной тайной. — Когда мы с Анной Викторовной помогали ей перед тем как загипсовать... Ну, ты понимаешь, чтоб не испортить платье задрали, а там... пусто. Голая!.. Я покраснела, как рак.

— Не может быть! — ахает Оля. — На корпоративе-то? Она что, специально?

— А то! — Катя понижает голос ещё больше, и я инстинктивно наклоняюсь. — Анна Викторовна потом сказала... что такие травмы, растяжения, когда падают с высоты, неудобно... Ну, ты поняла. Не со стула она свалилась. Её придавили сверху. В самом интересном месте, понимаешь? Дёрнулась и соскользнула со стола, а он на ней... — Кто?! — в голосе Оли нетерпение.

— Ну, кто мог быть в том крыле? Все на корпоративе. Кроме... Оля издаёт тихий визг. — Нет! Только не наш... Он же такой... порядочный семьянин!

— Ага, семьянин, — фыркает Катя. — А ты вспомни, как он на неё смотрит. Как кот на сметану. И тогда он якобы первый к ней примчался, откуда-то из темноты вынырнул,

волосы взъерошенные... — Божечки... А бедная Елена Андреевна... — Тсс! Молчи. Никому ни слова! Но, по-моему, она сама всё поняла. Видела её лицо? Каменное.

— Я-то молчу, но скоро все знать будут. Вика десять минут назад к нему в кабинет шкандыбала. На глазах у всех! Ни стыда, ни совести...

Лёгкая волна тошноты подкатывает к горлу. Прижимаюсь спиной к холодной стене. Пальцы леденеют. «Придавили». «С высоты». «Без всего». Картинки, от которых сжимается желудок, навязчиво лезут в голову. Её стол. Его тело. Её размазанная помада. Его взлохмаченные волосы.

Я всегда доверяла фактам. Анализам. Рентгеновским снимкам. И вот сейчас у меня на руках — неопровержимые данные. Слухи — это диагноз, который уже поставила вся больница. Осталось увидеть всё собственными глазами. «Прошкандыбала десять минут назад?»

Иду дальше, к его кабинету. Несу в руках — реальные снимки Аркадия Петровича, прекрасный повод. Сердце быстро колотится, отдаваясь в висках. Дверь приоткрыта. Изнутри доносится смех. Её смех.

Я заглядываю внутрь.

Виктория сидит на краю его массивного рабочего стола, отодвинув в сторону анатомические модели стопы и кисти. Её нога в свежем, белоснежном гипсе покоится у него на коленях. Сергей развернулся в кресле лицом к травмированной любовнице. В его руке не медицинский маркер для по-

меток, а перманентный, чёрный. Он выводит им что-то на гипсе, у щиколотки. Тёмная голова наклонена, лицо озаряет нежная улыбка. Он увлечён настолько, что никого не замечает за приоткрытой дверью.

Вика смеётся, запрокинув голову. Тонкая рука по-хозяйски устроилась на плече моего мужа. Длинные пальцы перебирают ткань белого халата.

— Серёж, ну ты что выдумал! — кокетливо говорит она. — Все увидят!

— Пусть видят, — он отвечает с теплом в голосе. Не со страстью встретившихся на пару минут любовников, а уютным, как с любимой женой. Только обращено оно не ко мне. — Пациенту должно быть весело. Особенно такому... особенному.

Я толкаю дверь. Она со скрипом открывается. Они оба вздрагивают и поворачивают головы.

На лице Сергея мелькает раздражение, мгновенно сменяющееся маской делового участия.

— Лена! Входи. Вика пришла на корректировку гипса.

Виктория не убирает руку с его плеча. Тёмные глаза блещут, как у хищной птицы, нашедшей слабого зверька.

— Здравствуйте, Елена Андреевна. Я просто несчастный пациент.

Я не отвечаю, а медленно подхожу ближе. Взгляд прикован к его руке, к гипсу. Он заслоняет рисунок ладонью. Поздно — я уже его видела. Идеально ровное, нарисованное с

любовью и старанием... сердечко. Не медицинский крестик, не стрелка — сердечко.

Во мне что-то отключается. Вся боль, весь ужас, вся дрожь, что копилась с вечера корпоратива, прессуются в кусок льда. Ощущаю себя не человеком, а скальпелем — острым, стерильным, безэмоциональным.

— Что это? — спрашиваю тихо, указывая взглядом на гипс.

— Лена, не делай из мухи слона, — в голосе Сергея появляются знакомые, снисходительные нотки. Нотки человека, объясняющего очевидное глупому ребёнку. — Шутка. Чтобы поднять настроение.

— Я же просто пациентка! — Виктория шипит с вызовом. Она нагло смотрит мне прямо в глаза. Яркие накрашенные губы растягиваются в едва уловимой усмешке.

Наглый взгляд, иносказательная фраза — всё вкупе взрывает мою хваленую выдержку. Больше молчать не стану. Они решили открыто встречаться, забыв, что Сергей в браке? Вперёд! Но тогда пусть будут готовы к ответным действиям.

Я молча протягиваю руку, беру со стола тот самый чёрный маркер.

— Лена, что ты... — начинает Сергей, но я его не слушаю.

Наклоняюсь над её ногой с нарисованным сердечком. Запах его духов, её духов, нашего общего аромата бьёт в нос. Он становится топливом для моей ярости. Намертво фиксирую лодыжку захватом ладони, не позволяя вырваться.

Подношу маркер к гипсу. И рядом с его аккуратным сердечком, крупными, размашистыми буквами вывожу:

ШЛЮХА.

Маркер скрипит. Буквы получаются жирными, чёрными, нестираемыми. Как диагноз. Мой ей приговор.

В кабинете повисает гробовая тишина. Я вижу, как румянец исчезает со щек Виктории, сменяясь багровыми пятнами ярости и унижения. Глаза Сергея становятся круглыми от непонимания, в них вспыхивает гнев.

— Ты с ума сошла?! — рычит он, вскакивая. Нога Виктории со стуком падает с его колен.

— Вы... вы что себе позволяете?! — визжит Виктория, пытаясь прикрыть надпись рукой, но это бесполезно. Она останется, пусть не там, так в их памяти. Навсегда. — Это клевета! Я подам в суд! Я... Я отступаю на шаг, кладу маркер точно на то место, откуда его взяла. Краем взгляда замечая в дверях медсестру, рассказавшую подруге о потерявшей трусы Виктории. Внутренне усмехаюсь. Теперь факт моего бунта не скрыть. Смотрю на недовольного мужа. В его глазах больше нет ни нежности, ни игры. Там горит злоба на меня, посмевавшую разрушить личину примерного семьянина, вытащить его пошленький флирт на свет, да ещё и так... бесповоротно.

— Пусть ходит с меткой, — мой голос не дрожит. Он ровный, отдаёт льдом. — Пусть все видят твоё сердечко и мой диагноз.

Разворачиваюсь и выхожу из кабинета. Не хлопаю дверь. Закрываю её аккуратно. Подчёркиваю, насколько мне всё равно, хоть душа кровоточит, а перед глазами до сих пор стоит его нежная улыбка, предназначенная любовнице.

За дверь на секунду воцаряется мёртвая тишина. А потом раздаётся истеричный вопль Виктории, заглушаемый яростным голосом Сергея.

Я иду по коридору. Мимо проносятся люди, но я их не вижу. Ко мне подбегает взволнованная медсестра из ревматологии.

— Елена Андреевна, вас срочно в третью палату...

— Позже, — отвечаю тем же безжизненным ледяным тоном.

Она, опешив, отступает. Не каждый день увидишь, как «железная леди» превращается в зомби.

Захожу в туалет, запираюсь в кабинке. Только теперь, в полном одиночестве, колени начинают предательски дрожать. Упираюсь ладонями в холодные стенки и безмолвно кричу, запрокинув голову. Я только что сожгла за собой все мосты. Устроила скандал, который через час взбудоражит всю поликлинику и пошла на это намеренно.

Но вместо ожидаемого облегчения приходит пустота. И страх. Потому что я только что объявила войну двум непростым людям. Женщине, у которой есть связи, наглость и теперь — личная, жгучая ненависть ко мне. И предателю-мужу, сделавшему свой выбор. Он остался там, утешать Викто-

рию. И обливать меня грязью.

Глава 4

Вечер в доме, раньше бывшем тихой гаванью, теперь наполнен густым, липким молчанием. Оно звенит в ушах громче любого крика. Сергей пришёл поздно, уже после девяти. Я слышала, как ключ щёлкает в замке, как он снимает туфли в прихожей, идёт на кухню, открывает холодильник. Звук открученной с бутылки крышки. Он пьёт прямо из горлышка. Пиво. Но он не любит пиво. Значит, нервы предателя напряжены.

Я сижу в гостиной, в темноте, укутавшись в старый, растянутый кардиган. Я не стала включать свет. Чтоб ходить, не спотыкаясь двигаться в темноте, мне не нужно видеть обстановку нашего дома. Мне так легче. Каждую картину, каждый предмет мы выбирали вместе. Теперь всё это выглядит как издевательство. Декорациями для спектакля, в котором я несколько лет играла дуру.

Он заполняет собой дверной проем. Знакомый до боли силуэт спортивной фигуры, теперь кажется чужим, неуместным рядом со мной. В каждом жесте, слове вижу подвох.

— Сидишь в темноте, как привидение, — хриплый, усталый голос.

Я моментально нахожу причины не доверять тому, что вижу и слышу. Устал, да, но не только от работы. От эмоций, которые потратил сегодня на неё.

Отвечаю одним слогом:

— Да.

— Обсудить представление, что сегодня устроила, не хочешь? — Он делает шаг внутрь, но не включает свет. Ему, видимо, легче разговаривать с моим силуэтом, чем смотреть мне в глаза.

— Обсуждать нечего. Я всё видела.

— Ты ничего не видела! — он срывается на крик, но всё ещё пытается давить. — Устроить истерику на ровном месте! Из-за дурацкого рисунка!

— Сердечка, — поправляю я тихо. — Ты нарисовал ей сердечко. На гипсе. И она сидела у тебя на столе, а нога лежала на твоих коленях. Попробуй, скажи, что это протокол оказания медицинской помощи! Твой многолетний стандарт общения с «просто пациентками»?

— Боже, какая ты мелочная! — он с грохотом бросает бутылку в раковину. — Я пытался поднять настроение коллеге, попавшей в беду! Виктория подавлена после травмы! А ты опозорила нас обоих! Меня — как врача и как мужа! Себя — как уравновешенного специалиста! Написать «шлюха»! Ты в своём уме? Тебе нужно к психологу, Лена! У тебя паранойя на почве хронической усталости!

Я медленно поднимаюсь с кресла. В темноте мои движения, должно быть, кажется угрожающими, потому что он отступает на полшага. Я включаю торшер. Мягкий свет выхватывает лицо, искажённое не болью и раскаянием, а злостью.

Как у человека, чью игру разгадали и испортили.

Я впервые вижу в нём не любящего мужа, не блестящего специалиста. А трусливого, лицемерного мальчишку, пойманного на пакости и прижатого к стенке.

— «Опозорила», — повторяю, вскинув бровь, ровным голосом. Ледяная тишина внутри — моя единственная защита. Если дам проявиться хоть одной трещине, развалюсь на куски. — Интересная позиция. Позорно не твоё поведение, а моя реакция на него. Удобно для оправдания.

— Да какое моё поведение?! — он разводит руками, играя в недоумение, но получается плохо. Я всегда могла понять, если он врёт, но почему не предавала значение обманам по мелочам? Теперь он стал лгать по-крупному.

— Ты сама знаешь, как важно психологическое состояние для выздоровления!

Играть, так играть. Выкладываю козырную карту.

— Поддержка включает в себя отсутствие у «коллеги» нижнего белья?

Сергей замирает. Краска медленно начинает заливать его шею и щеки. Он не ожидал, что я узнаю. Не думал, что слухи дошли и до меня. Хитрые глаза бегают, выискивая оправдание.

— Что за грязные сплетни ты...

Перебиваю, не желая слушать ложь.

— Это не сплетни. Вы прокололись. Это говорят свидетели, помогавшие накладывать гипс. Они выясняют, с кем фи-

зиотерапевт занималась сексом, перед тем как упасть со стола и получить растяжение. Угадай с трёх раз, кого называют главным подозреваемым?

Он молчит. Тяжёлая челюсть напряжена. Зрачки сузились. Решает, как теперь вывернуться?

— Это чистая клевета! Да, Вика может быть легкомысленной, но...

— Но ты просто нарисовал сердечко, — заканчиваю за него. Мне становится физически плохо от этого разговора. От запаха лжи, висящей в воздухе. — Хорошо. Забудем про бельё, про слухи. Ответ на один вопрос. Только честно.

Я делаю паузу, набираю воздух. Следующий вопрос выжигает мне горло.

— Ты спал с ней?

Тишина. Густая, взрывная. Он уставился на меня, уронив челюсть. Представляю, как в его голове проносятся варианты. Признаться? Или отрицать? Он быстро взвешивает риски. Признание — означает крах его безупречной репутации. Отрицать — есть шанс сохранить лицо. Всегда можно списать подозрения на ревность жены.

— Нет! — вырывается у него слишком громко. Слишком быстро. Как заученная строчка из плохой пьесы. — Конечно, нет! Лена, как ты можешь такое думать?! Я люблю тебя!

Но в словах нет ни капли тепла. В глазах на секунду мелькает панический ужас и злоба. Понимаю, что невинные не кричат. Он не ошарашен, не обижен или растерян, а кричит,

как вор, пойманный за руку.

Лёд в душе даёт первую трещину. Боюсь зареветь. Молча разворачиваюсь и иду в спальню. Он идёт следом.

— Лена, мы можем всё обсудить! Ты не даёшь слова сказать!

— Ты уже всё сказал, — бросаю через плечо. — Слишком быстрое «нет».

Я открываю шкаф, достаю с верхней полки чемодан. Начинаю складывать в него вещи. Не все. Только самое необходимое. Пижама, пара футболок, джинсы, белье, косметичка.

— Что ты делаешь? — в его голосе появляется настоящая тревога. Не за меня. За видимость семейной жизни. За то, что рушится привычный, удобный мир. — Ты куда? Прекрати это немедленно!

— Я уйду, — отвечаю, не оборачиваясь.

— Куда?! Ты что, в больницу ночевать пойдёшь? Над тобой будут смеяться! Над нами будут смеяться!

Верю, что последнее волнует его больше всего.

— В гостиницу. Потом сниму что-нибудь. Мне уже ничего не смешно, Сергей. Не хочу, чтобы ты донимал меня каждый день просьбами объясниться. Поэтому не останусь здесь.

Я прохожу мимо него в ванную, собираю зубную щётку, пасту, расчёску. Он стоит посреди спальни, как столб, не зная, что делать. Сценария, где я уйду, в его голове не было. Он должен был собираться, а я рыдать, упрашивать его не

уходить, потом смириться, проглотить обиду. И жить дальше, как ни в чём не бывало.

Я застёгиваю чемодан и выкатываю его в гостиную. Он растерянно следует за мной, ещё не осознавая, что мы поменялись гендерными ролями. Железными яйцами обладаю я, а он мелкий, истеричный пакостник.

— И что, всё? Ты уходишь из-за какой-то дуры, из-за каких-то сплетен? Подумай, что ты творишь! Мы уже десять лет вместе! Десять лет, Лена! И ты хочешь разрушить всё, что между нами было?

Я останавливаюсь у двери и наконец поворачиваюсь к нему. Смотрю прямо в глаза.

— Да. Десять лет. И ты променял их на секс в рабочем кабинете с женщиной без трусов. Не оскорбляй меня ещё и притворной скорбью с любовью. Дёшево. И тебе не идёт. На развод и раздел подам сама. Детей нет, нас разведут быстро. Ищи покупателей на квартиру. Мне нужно купить себе угол.

Я открываю дверь и выхожу в подъезд. Холодный воздух бьёт в лицо. За спиной — мёртвая тишина нашего дома и ошарашенный предатель муж.

Глава 5

Утро в больнице встречает меня стеной из взглядов. Быстрых, любопытных, сочувствующих, злорадных. Шепотки за спиной стихают, когда я прохожу мимо. Иду с высоко поднятой головой, с тем же ледяным спокойствием на лице. Я — Елена Кравченко. Ревматолог. Высококласный профессионал. Всё остальное — неважно.

Но моё спокойствие даёт трещину, когда я вижу её.

Виктория идёт по коридору, опираясь на костыль. Нога в том же гипсе. Она не стала его менять, а демонстративно носит, как знамя. Сверху, над моими жирными черными буквами «ШЛЮХА», кто-то (я не сомневаюсь кто) наклеил большую, яркую, розовую наклейку с милыми зверюшками. Чтобы прикрыть слова. Но скрыть полностью не удалось. Они угадываются под наклейкой и известны всей больнице. Этот гипс — теперь артефакт нашей войны.

Она ловит мой взгляд и улыбается. Широко, победно. Мы проходим мимо друг друга, не сказав ни слова. Воздух трещит от ненависти.

Захожу в свой кабинет, закрываю дверь. Прислоняюсь к ней спиной и закрываю глаза. Глубокий вдох. Выдох. Я должна работать. У меня через десять минут приём.

Но едва успеваю сесть за стол и запустить компьютер, как в дверь резко стучат. Не дожидаясь ответа, заходит заведу-

ющая терапевтическим отделением, Марина Станиславовна. На хмуром лице маска озабоченности.

— Елена Андреевна. Пройдёмте ко мне в кабинет. Сейчас же. Нужно поговорить.

Не «Лена», не «дорогая», как обычно, а официально. По спине пробегает холодок нехорошего предчувствия.

Кабинет заведующей терапевтическим отделением, Марины Станиславовны, пахнет кофе, дорогими духами и властью. Запах, который обычно меня не беспокоил. Сегодня он кажется удушающим. Кроме нас в кабинете мужчина в строгом костюме.

— Это представитель службы внутреннего контроля и качества медицинской помощи, — строго говорит Марина Станиславовна, не предлагая сесть. — Тагир Ильдарович. На вас поступила официальная жалоба.

Я стою перед её столом, чувствуя, как по спине ползут мурашки. Молодой человек с бесстрастным лицом — не враг. Он инструмент. И я догадываюсь, в чьих руках.

— Елена Андреевна, — Марина Станиславовна сцепляет в замок пальцы с идеальным маникюром. — Поступила жалоба от пациентки Ключевой Павелины Петровны.

Уставшее сердце делает болезненный кувырок. Ключева. Милая, кроткая женщина с ревматоидным артритом, называющая меня «доченькой».

— Я веду Павелину Петровну более семи лет, — отвечаю сначала хрипло, но справляюсь с эмоциями. — В последний

раз она была у меня на приёме 12-го числа. Жаловалась на усиление болей в кистях. Я действовала строго по протоколу. Коррекция терапии, дополнительные анализы, консультации физиотерапевта.

— Жалоба, — берёт слово молодой человек, — в том, что вы проявили к пациентке грубость, отказались её обследовать, сославшись на отсутствие времени. Вы назначили лечение, приведшее, по словам заявительницы, к ухудшению самочувствия.

Во рту пересыхает. Это чистойшей воды ложь! Кто и как заставил Ключеву сказать такое? Деньги? Угрозы? Обещания какого-то супер-лечения? Или просто воспользовались доверчивостью и страхом одинокой пожилой женщины?

— Это неправда, — говорю тихо, но чётко. — У меня есть запись приёма. Я могу предоставить все назначения, историю болезни. Павелина Петровна никогда не жаловалась на моё отношение.

— К сожалению, слова пациентки против слов врача, — в голосе Марины ядовитые нотки. Я знаю, что она дружит с Викторией. — Будем разбираться. Вам нужно написать объяснительную. А пока, учитывая серьёзность обвинений...

Она делает паузу, и я понимаю, к чему она клонит. Отстранение от работы на несколько дней. «Для проведения объективной проверки». В нашей больнице это клеймо, даже если всё опровергнут.

Дверь кабинета внезапно открывается.

В проёме стоит Павел Марков. Высокий, массивный, в белоснежном халате, сидящем на нём, как мундир на генерале. Его присутствие мгновенно наполняет комнату плотной, почти осязаемой энергией. Он — приглашённое светило, ведущий хирург-ортопед из столицы, чьё мнение много весит.

— Извините, что врываюсь, — он смотрит на заведующую. — Мне сказали, здесь разбирают историю с пациенткой ревматолога. Я как раз ищу Елену Андреевну для консультации по сложному случаю.

— Павел Викторович, — лицо Марины Станиславовны осеняет подобострастная улыбка. — Да, небольшое разбирательство.

— По поводу приёма от 12-го числа? — уточняет Павел, заходя в кабинет и непринуждённо прислоняясь к шкафу. Он не смотрит на меня. Его внимание целиком приковано к заведующей и проверяющему.

— Именно, — кивает Тагир Ильдарович, насторожившись. — Странно, — произносит Павел с холодной металлической ноткой в голосе. — В тот день я как раз заходил в кабинет к Елене Андреевне. И был свидетелем приёма Павелины Петровны.

Не помню этого, но не собираюсь опровергать. Мне очень нужна любая помощь.

— Вы... были свидетелем? — недоверчиво переспрашивает Марина.

— Да. От начала до конца! — Павел выпрямляется. — Па-

пациентка жаловалась на утреннюю скованность и боль. Елена Андреевна провела подробный осмотр, задавала все необходимые вопросы. Обсудила с пациенткой возможные причины обострения, включая стресс, который та упомянула.

Я киваю. Удивляюсь откуда Паша мог это узнать, а он продолжает давить:

— Назначила анализы для уточнения активности процесса. Направила на консультацию к физиотерапевту для подбора щадящих упражнений. Ни о каком отказе в обследовании речи не шло. Что касается грубости...

Он делает небольшую паузу, и его взгляд, наконец, скользит по мне.

— Елена Андреевна говорила тихо, внимательно, несколько раз переспрашивала, всё ли понятно. Я могу подтвердить: протокол был соблюден полностью. Более того, подход был исключительно деликатным.

В кабинете повисает тишина. Заведующая пытается сохранить любезную маску, но у неё подрагивает уголок глаза.

— Вы готовы дать письменные показания, Павел Викторович? — спрашивает проверяющий.

Большие плечи «медведя» приподнимаются.

— Конечно. С указанием даты, времени и деталей! — Павел смотрит прямо на него. — Я рекомендую запросить журнал назначений и историю болезни. Всё будет совпадать с моими словами. А теперь, если позволите, мне нужна Елена Андреевна. Сложный случай ждать не будет!

Он делает кивок в мою сторону. Я с радостью следую за ним, спиной чувствуя тяжёлый взгляд Марины.

Павел не говорит ни слова, пока мы не оказываемся в стороне от людского потока. Он останавливается у окон во двор больницы.

— Спасибо, — вырывается у меня. — Я даже не помню, чтобы вы были тогда.

— Я и не был, — он отвечает, разглядывая происходящее за стеклом.

Я замираю.

— Что?..

— Я не был в вашем кабинете в тот день. Но я знаю вас. Вы не способны на хамство и халтуру! — Он поворачивается. Серые, внимательные глаза изучают моё лицо. В них нет жалости, которую я ненавижу, там уважение и решимость. — А ложь нужно наказывать. Особенно ту, что бьёт по профессионалу!

Я киваю, не в силах вымолвить ни слова. Комок в горле мешает дышать. Он всё понимает. Видит всю эту грязную кухню.

— Почему? — срывается у меня шёпотом. — Почему вы это сделали?

Он молчит несколько секунд.

— Потому что ненавижу несправедливость... — Он смотрит поверх моей головы. — И потому, что ваш муж — дурак, не понимающий, какое сокровище променял на дешё-

вый блеск!

От этих слов лёд внутри меня трескается, и сквозь трещины пробивается что-то тёплое и горькое. Не надежда. Но... поддержка. Опора. Которой так отчаянно не хватало.

— Они не остановятся, — тихо говорю, уже больше себе, чем ему.

— Я знаю, — коротко отвечает он. — Поэтому запомните. Если понадобится помощь — я здесь! Не как рыцарь на белом коне. Как коллега. Вам есть на кого опереться, Елена Андреевна.

Он называет меня по имени-отчеству, но в его устах это звучит не формально, а как знак уважения к тому, кто я есть. К врачу. А не к несчастной жене.

Он кивает и уходит твёрдой, уверенной походкой, оставляя меня одну у окна. Я смотрю, как внизу, во дворе, спешат люди, машины скорой. Обычная жизнь больницы, а моя отныне превратилась в поле боя.

Но у меня появился союзник. Неожиданный. Сильный. Хотя его вмешательство лишь разозлит противников. Марина Станиславовна не простит публичного унижения.

Глава 6

Тишина в моём кабинете после окончания приёма — обманчива. Это затишье перед бурей. Буря приходит в виде официального письма, принесённого секретарём под вечер. Бумага с гербовой печатью больницы и грифом «Срочно». Читаю, качая головой. Если коротко — внутренняя проверка моей работы с пациентами, всех моих назначений. Рекомендация о проверке поступила «от общественности».

Я опускаюсь на стул. Бумага хрустит в пальцах. Общественность... Одно слово, за которым я ясно вижу самодовольную улыбку Виктории. Её дядя-депутат начал подключать свои связи.

Начинается ад. Не метафорический, а самый что ни на есть бюрократический. У меня изымают — под расписку — стопки медицинских карт моих пациентов. Каждая запись, каждый анализ, каждое назначение — теперь будут рассматриваться под микроскопом на предмет малейшей ошибки, неточности, отклонения от стандарта. Стандарты, как известно, существуют для идеальных случаев. А ревматология — это всегда уникальный пациент и тонкая настройка терапии.

Я остаюсь после работы. Каждый день сижу в кабинете при свете настольной лампы, пишу оправдательные записки. К каждой карте. К каждому нестандартному, на чей-то пред-

взятый взгляд, назначению. Это безумие выматывает. Кофе становится моей кровью. Я вижу цифры, диагнозы, даже когда закрываю глаза.

Я превращаюсь в призрак. Бледная, с тёмными кругами под глазами. Коллеги сторонятся, глядя с жалостью или со страхом... а вдруг их проверять начнут. Только Павел иногда заходит, ставит передо мной бутылку воды и бутерброд. Его поддержка держит меня на плаву.

В один из вечеров, когда я уже почти не различаю буквы на экране, дверь открывается. Без стука. Входит Сергей.

Чисто выбритый, в свежей рубашке. От него пахнет дорогим парфюм, а не больничным антисептиком и отчаянием, как от меня. Он осматривает мой кабинет, заваленный бумагами, на моё измождённое лицо. В его глазах — не сочувствие. Раздражение.

— До каких пор? — спрашивает он без предисловий, разрезая голосом тишину.

— До тех пор, пока они не закончат, — отвечаю я, не отрываясь от экрана. Мой голос лишён интонаций. — Или пока не найдут хоть что-то, за что можно зацепиться. Хотя бы опоздание на приём на пять минут.

— Это абсурд! — фыркает он, делая шаг внутрь. — Ты губишь себя. И меня заодно. Я медленно поднимаю на него взгляд.

— Тебя? Каким образом?

— Все обсуждают, что жена Кравченко под проверкой и

из-за бардака у тебя, могут начать проверять остальных врачей клиники! Что у меня в семье скандалы, что я не могу держать ситуацию под контролем! Это бьёт по моей репутации! Ты должна вернуться домой, Лена! Нам нельзя разводиться!

В животе сжимается тугой, болезненный узел. Его репутация... Конечно! На первом месте для него всегда его репутация. Его комфорт. Его статус.

— А я думала, тебя беспокоит, что твоя любовница сводит меня в могилу с помощью дяди-депутата, — парирую я ровным тоном. Он морщится, будто уловил неприятный запах.

— Опять ты за своё. Никакой любовницы нет! Виктория — коллега, которая оказалась в неловкой ситуации из-за твоей истерики. А теперь она обижена и защищается. Как может.

— Как может... Через проверку, которая может разрушить мою карьеру. Очень женский способ «защиты».

— Она не хочет этого! — вдруг взрывается он. — Она хочет услышать от тебя извинения! Публичные! Чтобы восстановить своё доброе имя после твоей выходки с маркером!

Я откидываюсь на спинку кресла. Усталость наваливается настолько тяжёлой волной, что даже злости не остаётся. Только глухое, леденящее отвращение.

— И что? Она тебе пожаловалась? Поплакала на твоём плече? Рассказала, как бедная, страдает из-за злой, ревливой жены?

— Хватит! — он ударяет ладонью по струйке бумаг на краю стола. — Хватит этого цирка! Давай замнём это дело. Оно того не стоит.

Я смотрю на него, пытаюсь разглядеть в этом человеке того, кого любила. Не нахожу.

— «Замнём»? Как?

— Ты публично извинишься перед Викой. На планёрке. Скажешь, что была неправа, что стресс, усталость, что больше такого не повторится. Я поговорю с её дядей, он повлияет на комиссию. Проверку свернут. И всё вернётся на круги своя. Нам же хорошо было вместе.

В его голосе убеждённость. Он действительно верит, что предлагает разумный, даже великодушный выход. Для него это — техническое решение проблемы. Как вправить вывих. Щёлк — и всё на месте. Неважно, что при этом ломается душа.

Во рту становится горько и пусто.

— Вернётся на круги своя?... — повторяю за ним. — То есть, я извинюсь перед женщиной, которая спит с моим мужем и пытается уничтожить меня профессионально. А ты останешься в стороне? Чистенький и незапятнанный?

— Никто ни с кем не спит! — кричит он, теряя последние остатки самообладания. — И я пытаюсь спасти то, что ещё можно спасти! Нашу репутацию! Твою карьеру, в конце концов! Думаешь, перевод в другую клинику тебя спасёт? Ты хочешь лишиться лицензии?!

Усмехаюсь. Он произносит вслух то, о чём я размышляла. Не будет мне покоя нигде. Она не успокоится, пока я не исчезну из города. Нужно найти способ поставить дядю Виктории в безвыходное положение.

— Лучше лишиться лицензии, чем самоуважения, — проговариваю я тихо, но так, чтобы каждое слово прозвучало отчётливо. — И лучше быть одной, чем с человеком, который предлагает мне пресмыкаться перед той, которая разбила мою жизнь... — Показываю рукой на дверь. — Уходи.

Он смотрит на меня с неподдельным изумлением, не ожидал отказа. Он был уверен, что я, измотанная, сломленная, соглашусь на любые условия.

— Ты неадекватна, — произносит Сергей с холодной злобой. — Ты сама себя загнала в угол. Не жалуйся потом!

— Не буду, — я снова поворачиваюсь к экрану. Демонстративно печатаю следующую фразу в объяснительной записке.

Он стоит ещё несколько секунд, затем резко разворачивается и уходит, хлопнув дверью. Звук эхом разносится по пустому коридору.

Слёз больше нет, выплакала за прошедшие дни одиночества. В груди пустота и жгучее отвращение, разъедающее душу. Я добираюсь до гостиницы на такси, едва держась на ногах. Падаю на кровать, не раздеваясь.

Утром понимаю, что забыла в кабинете папку с подготовленными объяснениями. Они нужны мне для встречи с юри-

стом, рекомендованным Павлом. Надо ехать.

Больница в семь утра пустынна. Сторож кивает мне, пропуская. Мой кабинет стоит нетронутым, его ещё не убрали. Нахожу папку, кладу в сумку. И уже собираюсь уходить, когда взгляд падает на мусорную корзину.

Туда, поверх смятых бумажек и обёрток, кто-то бросил свежий, медицинский журнал с тезисами предстоящего городского конгресса. Журнал обычно бережно раскладывают в ординаторской. Кто-то принёс его сюда, пролистал и выбросил.

Наклоняюсь, вытаскиваю его. Листаю. Нахожу раздел «Программа конгресса. Тезисы докладов». Ищу. И нахожу.

«Инновационные подходы к физической реабилитации пациентов с ранним ревматоидным артритом на основе модуляции иммунного ответа. В.А. Федосова, физиотерапевт высшей категории, ЦГБ».

Аннотация тезиса. Три коротких абзаца. И в каждом — знакомые до боли формулировки. Не просто похожие, а те, что писала для себя, в черновиках. Дословные фразы с моими мыслями, записанными за чашкой чая. Упоминание терминов, пришедших в голову после долгого изучения зарубежных исследований.

Она даже не потрудилась их как следует перефразировать, настолько уверена в своей безнаказанности.

Журнал выпадает из рук. Я схожусь на пол, прислоняюсь к стене.

Это уже не просто месть. Это присвоение моего интеллекта, моих идей, моей многолетней работы. И передал ей это Сергей. Он вложил ключи от моего профессионального мира в чужие руки. Изменил не только телом, а предал самую суть меня — врача, исследователя, мыслящего человека.

Виктория собирается блистать моими идеями, а я буду сидеть в зале и слушать, как мои собственные мысли произносят чужие, накрашенные губы. Аплодировать будут ей и успешному травматологу, сидящему в первом ряду и гордящемуся любовницей-«гением».

Но нет. Этого не будет!

Я поднимаюсь с пола. Подбираю журнал. Кладу его в сумку рядом с папкой объяснительных записок. Лёд внутри снова смыкается, но теперь он не хрупкий, а прочный, как алмаз. Он режет, а не замораживает.

У меня есть три недели до конгресса. И теперь это не профессиональное мероприятие, а поле битвы. И я должна выиграть её. Но как? У меня нет доказательств, кроме старых файлов на флешке. Никто не поверит, что это не совпадение. Мне нужен свидетель. Нужны неопровержимые улики. Нужен... союзник, который знает систему изнутри и не боится играть по жёстким правилам.

Телефон вибрирует. Сообщение от Павла: «Юрист будет в 10. Встретимся в кафе на углу. Есть что обсудить. Важно».

Я смотрю на эти слова. «Важно». Возможно, это знак, тот самый шанс. Я печатаю ответ: «Буду. Принесу кое-что инте-

ресное для обсуждения». И отправляю.

Глава 7

В ординаторской пахнет старыми журналами, пылью и тоской. Я сижу за столом, уставившись в экран ноутбука, но уже не вижу букв. Глаза слипаются, мысли путаются. Третья ночь почти без сна, проведённая за написанием оправдательных записок, даёт о себе знать. В ушах стоит монотонный гул. Я чувствую себя выжатой, как лимон, брошенный на этом столе после чаепития дежурной смены.

Проверка тянется уже вторую неделю. Комиссия работает медленно, с убийственной обстоятельностью. Каждый день — новые запросы, уточнения, требования пояснить малейшую пометку в карте. Это китайская пытка. Они не выносят приговор. Они просто изматывают, надеясь, что я сломаюсь, совершу ошибку, взорвусь. Или уйду по собственному желанию.

Я уже почти готова.

Делала пробные звонки и поняла, что в этом городе для меня работы нет.

Дверь открывается с тихим скрипом. Даже не оборачиваюсь. Наверное, уборщица. Или ночная медсестра за забытыми ключами.

Но вместо этого на стол передо мной мягко опускается картонный стаканчик с ароматным паром и бумажный пакет. Поднимаю глаза. Павел.

Он не улыбается. Не говорит ничего пафосного вроде: «Без отдыха нельзя, вы себя разрушаете». Он просто отодвигает стул напротив и садится, снимая очки, чтобы протереть их краем халата.

— Выпейте. Двойной эспрессо с корицей. И бутерброд с индейкой. Без майонеза, как вы любите.

Я моргаю, пытаюсь осознать. Откуда он знает? Я никогда не говорила... — Видел однажды, как вы заказывали в столовой, — отвечает он на мой немой вопрос, словно читая мысли. — Запомнил. Ешьте. Говорят, глюкоза помогает мозгу.

Я не в силах отказаться. Теплота стаканчика проникает в заочевенные пальцы. Я делаю маленький глоток. Горячий, горький, с пряной ноткой кофе проливается в пищевод, оживляя замёрзший организм.

— Спасибо, — благодарю охрипшим голосом.

— Не за что, — он откидывается на спинку стула. Взгляд направлен мимо меня, в тёмное окно. — Знаете, у меня сегодня был интересный случай. Пожилой мужчина, сложнейший перелом шейки бедра со смещением, остеопороз четвёртой степени. Риски анестезии зашкаливают. Но и не оперировать — смертный приговор. Коллеги советуют отправить в областной центр. Но он не доедет.

Павел говорит спокойно, деловито. Не о моих проблемах. Не о проверке, не о Сергее, не о Виктории. О работе. О том, что объединяет нас здесь, в этой комнате.

Я слушаю, отламывая кусочек бутерброда. Понимаю, что

голодна дико.

— Какие варианты? — спрашиваю уже менее одеревеневшим голосом. — Вот именно, что варианты, — он смотрит на меня, и в его серых глазах появляется искра профессионального интереса. — Я думаю... — он рассказывает вариант лечения, я сначала слушаю вполуха. — И тут вопрос не только к травматологу и анестезиологу, но и к ревматологу. У него в анамнезе подагра. Как вы думаете, какие бифосфонаты в этой ситуации будут наименее агрессивны для почек, но помогут консолидировать кость?

Он спрашивает совета специалиста. Рабочая консультация коллеги коллеге. И в этом — такая мощная, тихая поддержка, что на мгновение перехватывает дыхание.

Я откладываю бутерброд, мысленно переключаюсь. Забываю про усталость, про страх, про унижение. Это мой язык. Моя стихия.

— Если креатинин позволяет... — начинаю я, и мы погружаемся в двадцатиминутный профессиональный разговор. Я называю препараты, схемы, ссылаюсь на последние исследования. Он слушает внимательно, кивает, задаёт уточняющие вопросы. Ощущение, как что-то внутри меня расправляется. Словно сломанное крыло, которое начинают осторожно лечить.

Мы замолкаем, обсудив все варианты лечения. В ординаторской воцаряется не неловкая, а комфортная тишина. Я допиваю кофе. Он смотрит в окно.

— Знаете, — говорит он вдруг, всё так же, не глядя на меня, — я всегда считал, что в медицине самое страшное — это не ошибка. Ошибку можно признать, исправить, извлечь урок. Самое страшное — это предательство доверия. Пациента. Коллеги. Своего собственного.

Я замираю. Он говорит абстрактно, но каждое слово падает прямо в болезненную точку. Словно озвучивая то, что творится в моей душе. Киваю.

— Да.

— Два месяца назад, — продолжает он ровным, бесстрастным тоном, — прошла конференция по травматологии в Областном центре. Помните?

Я киваю. Сергей ездил, сказал, что на один день, но вернулся через два, уставший.

— Я там был. Задержался, обсуждал с коллегой сложный случай. Выхожу к парковке ближе к одиннадцати вечера. И вижу: ваш муж садится в автомобиль. Не один.

Он делает паузу. Я не дышу.

— С ним Виктория Федосова. Она запрыгнула на пассажирское сиденье, и они уехали. Вместе. Не в сторону города... — Павел наконец поворачивает ко мне голову. В его взгляде нет осуждения и жалости. — Я тогда подумал: странно. Он говорил, что ночует у друга-коллеги, а у неё своя машина. Я не придавал этому значения, пока не увидел, что происходит сейчас.

Во рту снова становится горько. Не от кофе. От прав-

ды, которую я и так знала, но от другого человека иона звучит как приговор. Окончательный, не подлежащий обжалованию. Больно. Опускаю голову. Говорю чуть слышно.

— Почему вы мне это говорите? — Потому что вы должны знать всю картину. Измене не несколько недель... — Он складывает очки и убирает их в карман халата. — И потому, что человек, способный на такое предательство в личной жизни, способен и на профессиональное. Будьте осторожны, Елена Андреевна. С ним. И со всеми, кто его поддерживает.

Он встаёт. Его тень на стене кажется огромной, надёжной.

— А теперь идите в гостиницу. Спите. Хотя бы четыре часа в сутки. Вам нужны силы, чтобы не сорваться. А срыв — именно то, чего они ждут.

Он абсолютно прав. В его словах, в поступке — не рыцарство, а уважение, солидарность. То, чего я была лишена рядом с Сергеем, видящем во мне дополнение, а не равную.

— Павел Викторович, — останавливаю, когда он уже берётся за ручку двери. Он оборачивается.

— Спасибо. Не только за кофе. Он кивает.

— Если что — я в шестом хирургическом.

Я остаюсь одна, но не чувствую всепоглощающего одиночества. Есть человек, который меня понимает, не осуждает и не лезет в душу, а... стоит на своём фланге, прикрывая тыл.

Я собираю вещи. Выключаю свет. Иду по тёмному коридору. Мысли уже не такие путанные. Я не одна, у меня есть не только уязвимость, но и оружие. Мой профессионализм.

И, как выяснилось, союзники.

В кармане халата вибрирует телефон. Новое сообщение с неизвестного номера, но я догадываюсь от кого. Снова Виктория. Наверное, новый укол. Я открываю его, готовясь к очередной порции яда.

Но это не Виктория. Это фото. Не очень чёткое, снятое из окна машины в сумерках. На нём — Сергей и Виктория стоят у подъезда какого-то дома. Не нашего. Он прижимает её к стене, они целуются. Страстно, безо всякой оглядки. Дату съёмки я узнаю сразу — это вечер после конференции, о котором только что рассказал Павел.

А под фото — строчка от отправителя: *«Доказательства копятся. Держитесь. А.»*

А. Павел. Он не просто рассказал, а дал мне оружие. Реальное, неопровержимое.

Прижимаю смартфон к груди, стоя в темноте пустого больничного холла. На глаза наворачиваются слёзы горького облегчения. Правда, даже самая ужасная, всегда лучше сладкой лжи.

Но если Павел начал собирать доказательства против Сергея и Виктории... что он ещё знает? И что планирует? И главное — почему он это делает? Простая солидарность коллеги? Или нечто большее? И как далеко он готов зайти, чтобы помочь мне?

Ответ приходит утром, когда я, следуя совету Павла, являюсь на заседание комиссии выпавшейся и собранной. Вик-

тория присутствует как «заинтересованная сторона от общественности». И когда председатель комиссии начинает зачитывать очередной абсурдный пункт обвинения, дверь распадается. Входит Павел. Не один. С ним — Павлина Петровна Ключева, моя пациентка, с испуганным от страха и раскаяния лицом. И Ольга Семенова, юрист, с плотной папкой в руках.

— Уважаемая комиссия, — голос Павла режет воздух, как скальпель. — Прежде чем продолжать это фарс, предлагаю выслушать официальное заявление о клевете и оказании давления на пациентку. И ознакомиться с материалами, которые ставят под сомнение профессиональную этику не врача Кравченко, а инициаторов этой проверки.

Я выдыхаю. Павел — человек с мнением которого считаются и у него есть друзья в министерстве. Уверена, что проверки с этого дня прекратятся.

Виктория резко бледнеет. Я вижу, как её взгляд упёрся в дверь, будто ища спасения. И понимаю — тихая война только что перешла в открытую фазу. И Павел пошёл в атаку.

Глава 8

Конгресс. Слово, висящее в воздухе больницы наэлектризованным облаком. Городской форум для кого-то — рутина, для кого-то — возможность блеснуть. Для меня — шанс напомнить о себе как о специалисте, а не о жене блестящего травматолога. Доклад — не сенсация, но тема тщательно проработанная, основанная на моём многолетнем опыте.

Чтобы оживить его, нужна моя не защищённая кандидатская диссертация. Там уникальные данные, собранные в начале карьеры, смелые гипотезы, статистика, которой ни у кого больше нет. Цифровой скелет той работы, которую я когда-то зарыла в стол, устав от равнодушия научного руководителя и... от скепсиса Сергея. «Зачем тебе это, Лен? Клиническая практика — вот что реально важно», — говорил он тогда.

Вечер. Я в гостиничном номере. Ноутбук подключён к старенькому внешнему жёсткому диску — моей «цифровой шкатулке». Там архив всего: фото, документы, сканы дипломов, и — моя диссертация. Щёлкаю. Папка открывается. И я замираю.

Внутри несколько файлов с невнятными названиями. Основной массив — сотни страниц текста, таблиц, графиков, библиографии — исчез. Папка «Исходные_данные_анкеты» — пуста. Папка «Статистика_SPSS» — содержит один по-

вреждённый файл. Словно прошёлся ураган, вырвав самое ценное и оставив лишь сор.

Сердце начинает биться чаще.

— Не может быть... — шепчу себе. — Я не удаляла, не трогала это годами!

Пробую восстановить из корзины диска. Корзина пуста. Пробую поиск по ключевым словам. Ничего.

Холодный пот выступает на спине. Это не случайность! Файлы не «исчезают» сами. Тем более выборочно.

Сергей... Он единственный, кто имел доступ к этому диску! Он брал его пару месяцев назад. «Я быстро, Лен, ты не переживай». Я не переживала. Я доверяла.

Рука тянется к телефону. Он принимает вызов не сразу. Фоном слышен смех, женский, приглушенный, и тихая музыка.

— Лена? Что-то случилось? — Его голос звучит расслабленно, чуть раздражённо.

— Пропали мои файлы с диссертацией. С внешнего диска. Короткая пауза. Слишком короткая для удивления.

— Какие файлы? — спрашивает с наигранным непониманием.

— Все основные! Текст, данные, графики! Папка почти пустая!

— Не знаю, — он отстраняется от гаджета, говорит в сторону: «Да, спасибо, я уже иду». Потом снова мне: — Может, вирус? Или ты сама когда-то...

Перебиваю его бред:

— Я не удаляла! Ты был последним, кто пользовался этим диском!

— Лена! — его голос становится резким. — Я тебе уже говорил, у меня там презентации были. Ты случайно сама удалила, когда чистила диск. У тебя в последнее время не все дома, если честно.

Его слова — как пощёчина. «Не все дома?!» Он снова спихивает всё на мою «неадекватность»!

— Ты брал диск, и файлы исчезли. Это не совпадение!

— Докажи, что это я! — шипит он, уже не скрывая злости. — Нет у тебя доказательств! Одни фантазии, как всегда! У меня хватает своих забот, Лена, мне некогда копаться в твоих старых бумажках!

Он сбрасывает вызов. В ушах — гудящая тишина. «Мне некогда копаться в твоих старых бумажках...» Но кто-то ведь покопался, целенаправленно вырезал самое ценное! Заехать бы этим диском ему в голову. Дышу успокаиваясь. Моего срыва они не дождутся. Нужно продумать, как всё забрать и уничтожить их репутацию.

Сажу, уставившись в тёмный экран ноутбука. Ощущение, будто меня обокрали пока я была на работе. Проникли в сейф памяти и вынесли интеллектуальное сердце. И главный подозреваемый — человек, который давал клятву беречь меня в горе и радости.

На следующее утро — еженедельная планёрка у главного

врача. Вокруг — гул голосов, обсуждение текущих проблем. На смешки и косые взгляды давно не обращаю внимания.

Виктория садится через стол от меня. Как всегда, яркая, в облегающем синем костюме. Она что-то оживлённо обсуждает с заведующей отделением физиотерапии, то и дело бросаая на меня короткие, колючие взгляды. Брезгливо ухмыляюсь в ответ.

Главный врач подводит итоги, призывает активнее участвовать в подготовке к конгрессу. Вика взмахивает рукой.

— Иван Васильевич, коллеги, я хотела бы анонсировать свой доклад, — звонкий голос, заставляет всех замолчать. — Работаю над темой, которая, станет маленькой сенсацией в нашей области. Это...

Она называет. Тема звучит сложно, наукообразно, современно. Именно так, как любят на конгрессах. В воздухе повисает тишина, потом одобрительный гул.

— В основе — совершенно новый взгляд на роль центральной нервной системы в регуляции воспалительного ответа при ревматических заболеваниях, — продолжает она, и каждое её слово вонзается ножом в сердце. — Я объединила данные иммунологии, неврологии и, собственно, физиотерапевтической практики. Получилась революционная методика.

Я не дышу. Это идея, которую я вынашивала годами, на которую ссылалась в своих черновиках. У неё те же основы, та же суть, лишь перелицованная в более модные термины.

— Поздравляем, Виктория Александровна! — главврач одобрительно кивает. — Очень перспективно. Тот уровень, который нам нужен.

— Спасибо, — она скромно опускает глаза, но губы предательски подрагивают в торжествующей улыбке. Смотрит на меня. — Я хотела привнести что-то действительно новое. Мы ходим по кругу, используя устаревшие схемы.

Её взгляд, эта фраза — прямой выпад в мою сторону. Все знают, что я — сторонник проверенных методичных подходов. Она, получается — новатор. Хоть головой об стену бейся. Почему не замечала раньше, что рядом со мной происходит? Позволила себя обокрасть во всех смыслах. Ещё немного и я сломаюсь.

Планёрка заканчивается. Коллеги обступают Викторию, задают вопросы, восхищаются.

Душа кипит, но мне никак не доказать, что она украла мои наработки. Пусть думает, что я проглотила, иначе приготовит защиту. Встаю, стараясь, чтобы колени не дрожали, и выхожу в коридор. Меня догоняет Павел. Он молча идёт рядом, сжав губы.

— Вы слышали? — наконец выдавливаю я. — Слышал. «Революционная методика!» Интересно, на чём основана её революция?

— На моих черновиках, — голос звучит словно чужой. — Она почти дословно описала концепцию моей диссертации. Украла. Как доказать — не знаю. С жёсткого диска исчезли

все файлы. Он резко останавливается, смотрит на меня. В светлых газах нет удивления. Бросает коротко:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.